

ПОЭТИКА АПОКАЛИПСИСА: И. А. БУНИН «ОКАЯННЫЕ ДНИ»

TATYANA V. SAFONOVA

POETICS OF THE APOCALYPSE: "CURSED DAYS" BY IVAN BUNIN

В настоящее время к числу малоизученных произведений можно отнести дневниковые записи И. А. Бунина «Окаянные дни», что определяет актуальность поставленной нами проблемы — исследование языковых особенностей данного произведения. Обращаясь к революционной эпохе, писатель трактует все происходящее как гибель Русской земли. Для реализации собственного замысла И. А. Бунин в своем дневнике неоднократно обращается к сюжетам и мотивам книги Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова», более известной как «Апокалипсис». Устойчивая смысловая связь реализуется на языковом уровне, что позволяет говорить о «поэтике апокалипсиса» — определенной системе языковых единиц, способствующих воплощению отмеченной параллели.

Как показали наши наблюдения, одним из самых ярких способов связи авторского текста с текстом Священного писания является цитирование. Помимо роли авторских отступлений, передающих чувства писателя, его сугубо индивидуальное отношение к революционным событиям, цитаты выполняют еще одну важную функцию — являются смысловой основой для реализации более сложных имплицитных механизмов взаимодействия авторского нарратива и библейского текста. По результатам исследования, наиболее частотны в этом отношении синонимические и ассоциативные связи слов, использование единиц одной тематической группы, метафорические переносы.

Ключевые слова: поэтика Апокалипсиса, прецедентный текст, аллюзия, метафора, языковая единица.

The author argues that the diary entries “Cursed Days” by Ivan Bunin remain nowadays among the little-studied works, and it determines the relevance of the article’s task: to study the linguistic features of this work. While interpreting the revolutionary era, the writer interprets everything that happens as the death of the Russian land. To implement his plan, Bunin repeatedly refers in his diary to the plots and motives of the New Testament’s “The Revelation to St. John the Evangelist”, better known as “Apocalypse”. A stable semantic connection is realized at the linguistic level, which allows to speak about the “poetics of the Apocalypse,” which is a certain system of linguistic units embodying this parallel. As author’s observations have shown, one of the leading ways of connecting the “Cursed Days” with the text of Scripture is quotation. The quotes play, firstly, the role of digressions, conveying Bunin’s feelings and his individual attitude to revolutionary events, and secondly, play a role of the semantic basis for the implementation of more complex implicit mechanisms of the interaction between the writer’s narrative and the biblical text. According to the research results, the most frequent in this respect are synonymous and associative connections of words, the use of the units of the same thematic group, and metaphorical transfers.

Keywords: Ivan A. Bunin; “Cursed Days”; Apocalypse; citation.

**Татьяна Владимировна
Сафонова**

Кандидат филологических наук, доцент

► safonova76@mail.ru

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
кафедра русского языка и литературы
300026 г. Тула, пр. Ленина, д. 125

Tatyana V. Safonova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
300026, Tula, 125 Lenin Avenue

Революция, повлекшая за собой коренную ломку всех устоев жизни русского общества, на долгие годы вошла в русскую литературу как одна из основных тем. В произведениях писателей начала XX века революционное время получило неоднозначную интерпретацию. Кто-то увидел в этой стихии очищающую силу, способствующую рождению нового человека и новой страны с совершенно иной историей и культурой: «Акт революции двойственен: он — насильственен, он — свободен; он есть смерть старых форм; он — рождение новых; но эти два проявления — две ветви единого корня <...>. Революционные силы суть струи артезианских источников; сначала источник бьет грязью; и — косность земная взлетает в струе; но струя очищается; революционное очищение — организация хаоса в гибкость движения новорожденных форм» [Белый 1994: 220]. Кто-то воспринял революцию не просто как крушение старого мира, а как гибель ее первоосновы — вековой культуры, веры, национального самосознания: «Вожди слепые, что вы наделали? Кровь, пролитая на братских полях, обеспогодила сердце человеческое, а вы душу вынули из народа русского.

И вот слышу обезьяний гик. Русь моя, ты горюшь! Русь моя, ты упала, не поднять тебя, не подымешься!» [Ремизов 2000: 405-406]. Определяющей чертой многих произведений данного периода становится устойчивая связь темы революции с архетипическими представлениями о конце света (см., напр.: А. Ремизов «Взвихренная Русь», М. Волошин «Россия распятая», И. Шмелев «Солнце мертвых», В. Розанов «Апокалипсис нашего времени», З. Гиппиус «Петербургский дневник» и др.). Эта идея воплотилась в произведениях в конкретных сюжетах и образах, что позволяет говорить о «поэтике апокалипсиса» — определенной системе языковых единиц, способствующих реализации отмеченной параллели (см. также А. Ш. Бик-Булатов 2015).

Метафора «гибели русской земли» является сюжетообразующей в одном из самых сложных и неоднозначно трактуемых произведений И. А. Бунина — дневниковых записях «Окаянные дни». По идеологическим причинам произведе-

ние долгое время оценивалось исключительно отрицательно и не подвергалось исследованию ни со стороны литературоведов, ни лингвистов. Вместе с тем еще в 30-ые годы М. А. Алданов отметил высокую художественную значимость дневника И. А. Бунина: «Ни к «Окаянным дням», ни тем более к «Серпу и молоту», не должно подходить как к книгам чисто политическим. Это ведь художественные произведения, и есть в обеих книгах страницы, которые могут сравниться с лучшим из всего, что написано Буниным. Но в «Окаянных днях» сокровища изобразительного искусства рассыпаны в самых злых и резких главах» [Алданов 1935: 472]. В настоящее время исследователи творчества И. А. Бунина так же указывают на уникальную художественную форму «Окаянных дней»: «Из лихорадочного, страстного потока слов, срывающихся с языка без раздумий, без всякой подготовки, с ходу, из криков ужаса, охватившего Бунина при виде того, что происходило <...>, из бури бунинских эмоций, едва успевших облечься то в блестящие импровизации, то в схваченные на лету выразительные зарисовки уличных картин и персонажей, а то в неточные и «страшные слова», неумеренные выражения, поспешные оценки <...>, перед глазами встает фигура буквально погибающего от возмущения и бешенства человека — фигура живописная и трагическая <...>, одержимо утверждающая свою правду и готовая ради нее идти своим путем до конца, хоть на дыбу, хоть на крест» [Ильинский 2010]. Не случайно, что для изображения столь трагичных моментов в истории России И. А. Бунин неоднократно обращается именно к библейским мотивам.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что И. А. Бунин нередко прибегает к цитированию фрагментов Священного писания. При этом, как правило, данные прецедентные тексты практически не сопровождаются авторскими комментариями, какими-либо пояснениями, связывающими их с основным повествованием. На первый взгляд, они кажутся относительно самостоятельными частями, выполняющими лишь функцию авторских отступлений для выражения сиюминутных ощущений рассказчика. Однако взаимодействие библейского дискурса, отдельных

композиционных элементов дневника и авторского нарратива в общем оказывается более сложным и глубоким благодаря наличию различного рода языковых механизмов, связывающих в единое целое, казалось бы, разнородные в событийном плане фрагменты. Такая связь может осуществляться посредством ключевых лексем библейского текста, повтор которых, их производных, а также синонимичных слов автор использует, рассказывая о революционных событиях: «*Мир, мир, а мира нет. Между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей. И народ Мой любит это. Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их. Это из Иеремии, — все утро читал Библию. Изумительно. И особенно слом: «И народ Мой любит это... вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их»*» [Бунин 2018: 13].

Устаревшее «пагуба» трактуется как 'погибель, гибель, вред' [Ожегов 2018: 733]. У И. А. Бунина встречаем следующие употребления единиц, семантически близких лексеме «пагуба»: «*Уже три недели со дня нашей погибели*»; «*Нет, вы не волнуйтесь, Россия погнубнуть не может уж хотя бы по одному тому, что Европа этого не допустит*»; «*Потом смотрели старинные книги, — какие виныетки, заглавные буквы! И все это уже навеки погнубший золотой век*»; «*Н.Н. говорила, что все пропало, что Россия летит в пропасть*»; «*Куда ж нам теперь деваться. Пропала Россия, на тридцать лет, говорят, пропала!*» [Бунин 2018]. Здесь «пропасть» значит 'погнубнуть'. Таким образом, можно установить связь между библейской историей о бедах, посланных народу Иудеи за грехи, и событиями, описываемыми И. А. Буниным в дневнике.

В свою очередь, «погнубнуть» употребляется и в значении 'умереть'. «Мертвый», «смерть», «умирать» — одни из самых частотных слов в дневнике писателя, напр.: «*Мертвый пустой порт, мертвый, загаженный город... <...> Перед тем как проснуться нынче утром, видел, что кто-то умирает, умер. Очень часто теперь вижу во сне смерти — умирает кто-нибудь из друзей, близких, родных, особенно часто брат Юлий*»; «*Ах, эти сны*

про смерть! Какое громадное место занимает смерть в нашем и без того крохотном существовании! А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем в оргии смерти» [Бунин 2018: 35-36]. Абстрактная идея всеобщей гибели, краха мира как наказания переводится в план физической смерти человека — глубоко личное, на наш взгляд, усиливает трагичность повествования в целом.

Развернутая метафора библейского текста «*сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей*» связана с рядом прямых номинаций тематического поля «ложь — обман», используемых на протяжении всех записей. Напр.: «*Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас*»; «*Во всем игра, балаган, «высокий» стиль, напыщенная ложь*» [Бунин 2018: 13]; «*Читали статейку Ленина, ничтожная и жульническая — то интернационал, то «русский национальный подъем!»*» [Бунин 2018: 25]; «*Завтра декрет о денационализации банков, думаю, что опять-таки это все сами большевики нас дурачат*» [Бунин 2018: 25]; «*Читал новый рассказ Тренева («Батраки»), отвратительно. Что-то, как всегда теперь, насквозь лживое*» [Бунин 2018: 28]; «*Где у некоторых большевиков кончается самое подлое издевательство над чернью, самая гнусная купля ее душ и утроб*» [Бунин 2018: 41]; «*Лжи столько, что задохнуться можно. Все друзья, все знакомые, о которых прежде и подумать не смел как о лгунах, лгут теперь на каждом шагу. Ни единая душа не может не солгать, не может не прибавить к своей лжи*» [Бунин 2018: 45]. Нередко употребляются конструкции с вводным «говорят», что так же заставляет сомневаться в достоверности информации: «*Он и Ленин-то, говорят, не настоящий — этого давно убили. Настоящего-то*»; «*Говорят, что Москва будет во власти немцев семнадцатого марта*» [Бунин 2018: 23-26]. Повтор частиц «будто», «будто бы» в пределах одной или близких синтагм подчеркивает идею повсеместно царящего обмана: «*Про анархистов: необыкновенно будто бы веселье и любезные люди*»; «*Очень многие всегда делают вид, что будто имеют такие сведения, которых ни у кого нет*»; «*В кофейне Филиппова видели будто бы Адрианова, бывшего*

московского градоначальника. Он будто бы один из главнейших тайных советников «Совета рабочих депутатов» [Бунин 2018: 23].

Метафора, организующим центром которой становятся библейские образы, позволяет И. А. Бунину высказать свои сомнения по поводу правдивости ключевых символов революции: «Да и сатана каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода» [Бунин 2018: 36]. А в сочетании с контекстуальными антонимами «злоба», «кровожадность», «самоуправство» слова «братство», «равенство», «свобода» окончательно утрачивают свой первоначальный смысл и положительную оценку.

Особое значение в контексте происходящего приобретает фраза «И народ мой любит это», значение которой уточняется И. А. Буниным при характеристике современников: «А кругом нечто поразительное: почти все почему-то веселы — кого не встретишь на улице, просто сияние от лица исходит»; «Бодро, с веселой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет рукой и бежит дальше» [Бунин 2018: 7]; «И начал Маяковский с того, что без всякого приглашения подошел к нам <...>, стал есть с наших тарелок и пить из наших бокалов<...>, Горький хохотал <...>, все ни с того ни с сего заорали и себе <...>, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать»; «а по мосту идут женщины, тогда весь отряд вдруг останавливается и с хохотом мочится»; «огромный грязный пустырь возле вокзала, где народ, визг, гогот, качели и карусели» [Бунин 2018: 60]. Глагол «любить» — ‘быть довольным чем-н., испытывать чувство удовлетворения’ [Ожегов, 2018: 504] — в сочетании «любить это» у И. А. Бунина поясняется словами «веселы», «веселая», «хохотать», «сияние», «хохот», при этом грубопросторечные слова с высокой степенью проявления действия и негативной оценкой «визжать», «выть», «хрюкать», «гогот» не просто передают состояние человека в минуты удовольствия, радости, а, скорее, уже характеризуют крайнюю степень разгула, безудержности, буйства, бесноватости, что назовет писатель «русской вакханалией».

Используемое И. А. Буниным выражение «Утешься ради скорби Иерусалима!» [Бунин 2018: 40] заставляет читателя обратиться к «Книге Ездры» Ветхого завета: «Утешься ради скорби Иерусалима. Ибо ты видишь, что святилище наше опустошено, алтарь наш ниспровергнут, храм наш разрушен, псалтирь наш уничтожен, песни наши умолкли, радость наша исчезла, свет светильник нашего угас, ковчег завета нашего расхищен, святое наше осквернено, и имя, которое наречено на нас, едва ли не поругано» [Ездра 10: 21]. Смысловая связь библейского текста и дневниковых записей И. А. Бунина так же легко устанавливается благодаря ряду языковых соответствий. Напр.: «А у белых, у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, — эксцессов, конечно, быть не должно» [Бунин 2018: 55]. Помимо семантической близости — в данном случае синонимии слов «опустошен», «разрушен», «ниспровергнут», «уничтожен» и «отнято», «поругано», «изнасиловано», «убито», следует отметить и сходство в синтаксических конструкциях. И. А. Бунин так же использует градацию, в основе — перечисление причастных форм, безличность которых при отсутствии косвенного субъекта действия позволяет оценивать все происходящее безотносительно какого-то конкретного лица, а исключительно в масштабах стихии. Перечисление субстантивов в сложной конструкции библейского изречения («святилище», «храм», «алтарь», «псалтирь», «ковчег») ассоциативно связано с аналогичным перечислением номинативов у И. А. Бунина («родина», «колыбели», «могилы», «матери», «отцы», «сестры»). Данная параллель позволяет осмыслить глубоко личное, авторское в контексте всеобъемлющего, всенародного горя.

Нередко автор избегает прямой цитации библейского текста и использует синонимические замены, напр.: «Святейшее из званий, звание **«человек»**, опозорено как никогда. Опозорен и русский человек...» [Бунин 2018: 85]. Ср. из «Книги Ездры»: «и **имя**, которое наречено на нас, едва ли не **поругано**» [Ездра 10:21]. Это позволяет автору уйти от излишней дидактичности и, напротив, придать повествованию больше экспрессии. Этой

же цели служит прием компрессии — сжатия прецедентных фрагментов, напр.: «*Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь — все погибло. Сожрали тощие коровы фараоновых тучных и не только не потучнели, но и сами околевают!*» [Бунин 2018: 108]. Ср.: «*Прошло два года, и фараону приснился сон: будто бы стоит он над Нилом, а из Нила выходят семь коров. Красивые, упитанные, они пасутся в прибрежных зарослях. Следом выходят из Нила другие семь коров, хилые и тощие, становятся с ними рядом — и вот, эти хилые и тощие коровы съедают коров красивых и упитанных!*» [Бытие 41:3]. Оценочный потенциал фразы у И. А. Бунина усиливается за счет ее распространения грубо-просторечным «око-леть» — ‘умереть, издохнуть (о человеке пренебр.)’ [Ожегов 2018: 675].

Использует автор в своем дневнике и устойчивую оппозицию Бог — Дьявол: «*Бог и Дьявол поминутно сменяются на Руси*» [Бунин 2018:113]. При этом репрезентанты семантического поля «Дьявол» в тексте распространены в большей степени. Прежде всего, это непосредственное употребление собственно лексем «дьявол» и «сатана», а также их производных, напр.: «*сатана каиновой злобы*», «*дьявольский мрак*», «*вырвался сам дьявол*», «*дьявольски однообразны эти клоунские выходки*», «*дьявольское однообразие приемов*», «*верят в дьявола*», «*дьявол, нечто дьявольское*» и др. Отмечается также активность лексемы «черт» в ее самостоятельном употреблении или в составе фразеологизмов, напр.: «*творится черт знает что*», «*связал меня черт*», «*черт ногу сломит*», «*да черт... чертом представляется, козлекает*», «*сам черт не найдет*», «*черт знает*», «*черт с ними*».

Семантическое поле «Бог» представлено в тексте дневника более разнообразно, однако единицы данной группы менее частотны, напр.: «*как Бог на душу положит*», «*О, Боже мой, Боже мой!*», «*по приказу самого Архангела Михаила не приму большевистского правописания*», «*распять Христа*».

Устойчивые языковые связи ядерных лексем отмеченной оппозиции с другими единица-

ми на основе синонимии, ассоциаций, образной и тематической близости позволяют И. А. Бунину в рамках данного контраста охарактеризовать современников, время и место событий.

Всех героев эпохи писатель делит на людей прошлого и людей нового времени. И если в портретных зарисовках первых преобладают единицы с положительной оценкой, то основой для портретов лиц революции становятся слова и обороты с отрицательной коннотацией. Напр.: «*А среди прочих, сидящих и стоящих, возвышаясь над всеми на целую голову, стоит великан военный в великолепной серой шинели, туго перетянутой хорошим ремнем, в серой круглой военной шапке, как носил Александр Третий. Весь крупен, породист, блестящая коричневая борода лопатой, в руке в перчатке держит Евангелие. Совершенно чужой всем, последний могикан*» [Бунин 2018: 21]. Особая смысловая нагрузка здесь приходится на слова и сочетания «чужой всем», «последний могикан», «Евангелие» как единственное, что дает силы и сохраняет веру, и «возвышаясь на целую голову», трактуемое не только в прямом, но и в переносном смысле — ‘О превосходстве кого-либо над кем-либо в умственном развитии, в знании, умении и т.п.’ [Федоров 2008: 147]. Ср.: «*Голоса утробные, первобытные. Лица <...> у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cavefiguret». На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно*» [Бунин 2018: 25]. Здесь следует отметить употребление лексемы «клеймо», применительно к человеку слово выступает с отрицательной оценкой — ‘позорный знак, выжигаемый на теле преступника’, ‘свидетельство чего-либо позорного, унижительного’ [Ожегов 2018: 423]. Однако, на наш взгляд, важно в данном случае и упоминание слова в библейском тексте — клеймо зверя: «*Он принуждает всех — малых и великих, богатых и бедных, свободных и рабов — поставить клеймо на правую руку или на лоб и требует, чтобы никто не имел права ни покупать, ни продавать, если нет на нем клейма: имени зверя или числа его имени*» [Откровение 13:15]. Эта аллюзия объясняет другую характерную черту людей нового времени, о которой неоднократно

говорит автор, — их буквально звериную сущность, одержимость и бесноватость, отсюда широкое употребление слов «звериный», «зверство», «животное», «бешенство», «бешеный», «сумасшедший» и др., напр.: *«Речь Ленина. О, какое это животное!»*; *«вылетает с Никитской животное в кожаном картузе»*, *«дьявольскую одержимость»*; *«бесноватых рать»*, *«краснорожая баба, с бешеным дикарским рылом»*; *«в отвалившихся от бешенства»*, *«превратившийся в бешеный»*, *«все сошли с ума»*, *«как в сумасшедшем доме»*; *«отчаянные зверства»*; *«осатанели от пьянства, от кокаина, от своеволия»*.

В свою очередь, семантика слова «зверство» в тексте И. А. Бунина конкретизируется рядом фраз и выражений, характеризующих поступки людей нового времени, напр.: *«читал о стоящих на дне моря трупах, — убитые, утопленные офицеры»*, *«революционный трибунал ежедневно выносит смертные приговоры»*, *«нынче будут казнены шестьдесят человек»*, *«оципали перья с живых павлинов и пустили их, окровавленных»*.

Крайняя степень жестокости, по мнению И. А. Бунина, порождает лишь желание мести, так же в его крайних проявлениях, ср. использование гиперболы и сарказма в следующем фрагменте: *«Какая у всех свирепая жажда их погибели! Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга»* [Бунин 2018: 45].

Контраст как основной прием используется И. А. Буниным и при воссоздании пространства Москвы и Одессы. С необыкновенным трепетом и любовью описывает автор старые улочки, храмы, величественные особняки: *«Но вот тихий переулок, совсем темный, идешь — и вдруг видишь открытые ворота, за ними, в глубине двора, прекрасный силуэт старинного дома, мягко темнеющего на ночном небе, которое тут совсем другое, чем над улицей, а перед домом столетнее дерево, черный узор его громадного шатра»* [Бунин 2018: 27-28]. Как правило, И. А. Бунин избегает подробных описаний: во всеобщем хаосе, охватывающем по ходу повествованию все больше пространства,

как внимательный наблюдатель, он отмечает наиболее значимые детали, служащие теперь полутонами, полунамеками былого величия и чистоты уходящей в прошлое России, отсюда частотность в тексте лексем «золото», «золотой», «небо», напр.: *«золото куполов»*, *«с золотым крестиком»*, *«золотые огоньки свечей»*, *«вся площадь блестит золотом и зеркалами»*, *«вечернее небо»*, *«на ночном небе»*.

Цветовая палитра новой России совершенно иная. Основу подобных описаний составляют прилагательные «черный», «мрачный», «грязный», «кровавый», «красный», напр.: *«грязная темная погода»*, *«черная вывеска»*, *«в мокром асфальте жидкой кровью текут отражения от красных флагов»*, *«черные знамена»*, *«мрачный вечер «первого мая»»*, *«возвращался под дождем по темному, мрачному городу»*, *«сентябрь семнадцатого года, мрачный вечер, темные с желтоватыми щелями тучи»*. Дополняют описания слова и выражения, устойчиво воспринимаемые нами как резко отрицательные, грубые и, соответственно контрастирующие с лексемами «золото», «блеск», «небо», напр.: *«отражение от красных флагов, обвисших от дождя и особенно паскудных»* [Бунин 2018: 41]; *«начиная от самой Москвы и до самой Орши, где все платформы и пути были буквально залиты рвотой и испражнениями»* [Бунин 2018:119].

Картины эпохи получают у И. А. Бунина и специфическую реализацию в звуке. Голос нового времени — всегда дисгармоничное многоголосие, состоящее из обрывистых фраз, революционных лозунгов, телефонных звонков, шороха сора, криков и ругательств. Этим объясняется широкое использование автором глаголов и существительных с семой 'неприятные звуки': *«все ни с того ни с сего заорали себе, стали бить сапогами в пол»*, *«стали хохотать, визжать, хрюкать»*, *«все pokrыл истинно трагический вопль»*, *«с ревом неслись грузовики»*, *«хохот, щелканье орехов»*, *«грозочущие грузовики»*. Значение существительных «голос» и «крик» уточняется прилагательными с ярко выраженной отрицательной коннотацией, напр.: *«истерический крик»*, *«голоса утробные, первобытные»*, *«наглый и твердый крик»*, *«злые крики»*, *«неистовый крик»*, *«с пронзительными криками»*.

Многочисленные повторы данных сочетаний, ряды сравнений и метафорических переносов, гипербола усиливают ощущение какофонии, подчеркивают сюрреалистичность происходящего. Напр., у И. А. Бунина телефон не просто звонит — он «звонит, не умолкая, <...> из него сыплется огонь», он «трещит, звенит и сыплет красные огненные искры»; представитель новой власти не просто говорит — он «кричит, заикаясь, со слюной во рту»; «мальчишки орут, как черти, <...> дудят в тысячу дудок»; «наскудная старушонка <...> кричит на всю улицу». В этом диком, режущем слух многоголосии единственно благозвучно церковное пение.

На долю эпизодов, связанных с описанием уходящих в прошлое и воспринимаемых как идеологический атавизм церковных обрядов, приходится лишь незначительная часть в общей структуре произведения. Поэтому И. А. Бунин выбирает слова и их сочетания с однозначно положительной оценкой, символизирующие вечные ценности — добро, справедливость, сострадание: «Часто заходим и в церковь, и всякий раз с восторгом до слез охватывает пение, поклоны священнослужителей, каждение, все это благолепие, пристойность, мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание» [Бунин 2018: 123-124].

Не менее значимо при характеристике голоса уходящей эпохи и отсутствие всякого рода звуков — тишина, контрастирующая с постоянным диким криком нового времени: «Сейчас опять идем в архиерейский сад, часто теперь туда ходим, единственное чистое, тихое место в городе»; «И все-таки в саду чудесно, безлюдно, тишина» [Бунин 2018: 123-124].

Несмотря на явное описание «окаянных дней» революции в апокалипсическом ключе, к непосредственному использованию текста «Откровения Иоанна Богослова» И. А. Бунин не прибегает. Данная связь устанавливается благодаря традиционным в представлении читателя образам и символам книги пророчества, получающим у писателя языковую репрезентацию посредством устойчивых слов и выражений. Напр.: «Третий вылил свой сосуд на реки и водные источники,

и они превратились в кровь» [Откровение 16:2]. У И. А. Бунина отмечается широкое использование компонента «кровь» в сочетании со словами, в значении которых присутствует сема 'вода', что и может служить аллюзией к знамению Апокалипсиса: «реки крови», «от трона текут потоки крови», «жидкой кровью текут отражения от красных флагов».

Частотное сочетание лексемы «кровь» и с другими словами, в том числе в составе устойчивых оборотов библейского происхождения, что позволяет И. А. Бунину воссоздать ужасающие в своих проявлениях и масштабах картины злодеяний новой власти: «шагать по колено в крови», «пьяны от вина и крови», «проливать кровь», «бешеная горилла уже буквально захлебывается кровью». В дневнике писателя подобные фразеологизмы не столько средство собственной интерпретации и оценки происходящего, сколько способ объективного отражения современной ему действительности, поэтому писатель всякий раз намеренно натуралистично конкретизирует абстрактный фразеологический образ, напр.: «Приехал Д. — бежал из Симферополя». Там, говорят, «неописуемый ужас», солдаты и рабочие «ходят прямо по колено в крови». Какого-то старика полковника живьем зажарили в паровозной топке» [Бунин 2018: 12].

Свидетельством скорого появления зверя в «Откровении» служит утрата времен: «времени больше не будет!» [Откровение 10:11]. И. А. Бунин так же обращается к этому пророчеству в ироничных и подчас гротесковых высказываниях относительно перехода революционной власти на новое время: «С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему нынче уже восемнадцатое»; «8 часов вечера, а по «советскому» уже половина одиннадцатого»; «По вечерам жутко мистически. Еще светло, а часы показывают что-то нелепое, ночное» [Бунин 2018: 7, 51-53]. Показательно здесь и неоднократное употребление слов и выражений со значением 'полное отсутствие света' — темнота, тьма, мрак: «улицы, как всегда теперь во тьме», «еще гуще мрак неба», «Никитская без огней, могильно-темна», «темная погода», «мрачный вечер», «вечерел темный день поздней осени», «совсем почти темно». Ср. в «От-

кровении»: «Четвертый ангел затрубил — и была поражена треть солнца, треть луны и треть звезд. Они на треть затмилась, и треть дня была без света, как и треть ночи» [Откровение 8:3].

Единственным избавлением от всех мук в эти «окаянные дни» И. А. Бунин видит в смерти: «Мимо нас несут покойника (не большевика). «Блаженни, иже избрал и приял еси, Господи...» Истинно так. Блаженны мертвые» [Бунин 2018: 90]; «Несущие <...>, тряся гроб, бегут со всех ног. А на углу стоит старуха и, согнувшись, плачет так горько <...>. Я бормочу: — «Ну будет, будет, Бог с тобой!» — спрашиваю: — «Родня, верно, покойник-то?» А старуха <...> с трудом выговаривает: — Нет... Чужой... Завидую...» [Бунин 2018: 52-53]. В «Откровении»: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее...» [Откровение 9:12].

Таким образом, текст Священного писания у И. А. Бунина становится своеобразным смысловым каркасом, на основе которого и создается уникальный по своей сути языковой строй дневника. Используя многочисленные и разнообразные по характеру языкового воплощения смысловые связи с библейскими пророчествами, писатель воссоздает на страницах своего произведения поистине трагические, воспринимаемые исключительно в апокалипсическом ключе картины смены эпох и прощается с великим прошлым России.

ИСТОЧНИКИ

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2012. 1407 с.

Бунин И. А., Розанов В. В., Шмелев И. С. *Окаянные дни. Апокалипсис нашего времени. Солнце мертвых*. М.: Мартин, 2018. 384 с.

Ожегов С. И. *Толковый словарь русского языка*. Скворцов Л. И. (ред.). М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. 1360 с.

Ремизов А. М. *Собрание сочинений*. Т. 5. *Взвихренная Русь*. М.: Русская книга, 2000. 688 с.

Федоров А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

ЛИТЕРАТУРА

Алданов 1935 — Алданов М. А. И. А. Бунин. *Собрание сочинений*. Изд. «Петрополис», 1935 год. Тома IX и X. *Современные записки*. 1935. Кн. 59. С. 472.

Белый 1994 — Белый А. *Символизм как миропонимание*. М.: Республика, 1994. 525 с.

Бик-Булатов 2015 — Бик-Булатов А. Ш. Поэтика Апокалипсиса в культурософской публицистике России пореволюционного времени (1917–1918 гг.). *Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2015, (18, вып. 27): 87–94.

Ильинский 2020 — Ильинский И. М. *Белая правда Бунина (заметки о бунинской публицистике)* [Электронный ресурс] URL: <http://ilinskiy.ru/publications/stat/belpravda.php?print=Y> (дата обращения: 25.09.20)

REFERENCES

Алданов 1935 — Aldanov M. A. I. A. Bunin. *Collected Works*. Vol. IX–X. In: *Sovremennye zapiski*. Moscow, 1935. P. 472. (in Russian).

Белый 1994 — Belyj A. (1994) *Symbolism as a world view*. Moscow, 1994. (in Russian).

Бик-Булатов 2015 — Bik-Bulatov A. Sh. Poetics of the Apocalypse in the Cultural and Philosophical Journalism of Russia in the post-revolutionary period (1917-1918). In: *Nauchnye vedomosti. BelGU. Serija Gumanitarnye nauki*. 2015, (18): 87–94. (in Russian).

Ильинский 2020 — Il'inskiy I. M. *White really Bunin (Bunin notes on journalism)*. URL: <http://ilinskiy.ru/publications/stat/belpravda.php?print=Y> (date of application 25.09.20)